

Содержание

- 7** От составителей
- 10** 5-е управление КГБ
и **А.Д. Сахаров**
Никита Петров
- 45** Инспиратор враждебных
проявлений
О языке документов КГБ
по делу **А.Д. Сахарова**
Ирина Левонтина
- 56** Судьба архива в Америке
Рассказ
Александра Грибанова
- 60** Глава 1. «О политически
вредной деятельности
А. Сахарова»
май 1968 — апрель 1970
- 92** Глава 2. «Заставить его
задуматься над своим
политическим поведением»
октябрь 1970 — март 1971
- 126** Глава 3. «Открыто перешел
к сознательной враждебной
деятельности»
апрель 1971 — март 1973
- 196** Глава 4. «Стал знаменем
антиобщественных
элементов»
август 1973 — октябрь 1973
- 238** Глава 5. «Он продолжает
оставаться на
позиции откровенного
антисоветизма»
ноябрь 1973 — июль 1974
- 274** Глава 6. «Комитет
госбезопасности считает
выезд Боннэр из СССР
крайне нежелательным»
октябрь 1974 —
сентябрь 1975
- 316** Глава 7. «Принимаются
меры по локализации
антисоветской шумихи»
октябрь 1975 —
ноябрь 1975
- 344** Глава 8. «Органы
государственной
безопасности будут
и впредь пресекать
всякую антисоветскую
деятельность»
декабрь 1975 —
декабрь 1978
- 418** Глава 9. «Выселение
Сахарова из Москвы
позволило локализовать его
враждебную деятельность»
декабрь 1979 — март 1981
- 452** Глава 10. «Осуществляются
меры по пресечению
контактов»
май 1981 — декабрь 1982
- 496** Глава 11. «Путем возбуждения
уголовного дела на Боннэр»
май 1983 — ноябрь 1985
- 556** Глава 12. «Небезуспешно
проводилась работа по
оказанию положительного
влияния на Сахарова»
февраль 1986 —
декабрь 1986
- 582** Глава 13. «Стал их знаменем,
своеобразным моральным
символом и автором многих
политических инициатив»
январь 1987 — декабрь
1989
- 614** Глава 14. Вместо эпилога
декабрь 1989
- 620** Именной указатель

1

2

3

4

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Читатель, взявший в руки эту книгу, сможет увидеть последнее двадцатилетие жизни Андрея Дмитриевича Сахарова, с 1968 по 1989 год, в неожиданном ракурсе — в кривом зеркале наблюдавших за ним органов госбезопасности. Об этом периоде жизни много написано и рассказано самим Сахаровым, но то, что представлено здесь, — кухня, где по рецептам КГБ готовились бумаги для высшего партийного руководства.

Для чего нынешнему читателю знакомство с этими ядовитыми субстанциями пятидесятилетней давности: докладными записками, отчетами, справками, стенограммами заседаний Политбюро и решениями ЦК об осуждении, предотвращении, пресечении правозащитной деятельности Сахарова? Кому это может быть интересно, кроме профессиональных исследователей?

Нам представляется, что именно сегодня важно показать, как функционировала советская репрессивная машина, созданная для преследования диссидентов и правозащитников. И хотя сотни документов, собранных в этом издании, — это лишь верхушка огромного бумажного айсберга, по-прежнему скрытого даже для историков, мы надеемся, что их публикация будет способствовать разрушению старых, но весьма живучих мифов, в том числе главного из них — мифа о всемогуществе КГБ. Публикуемые документы демонстрируют бессилие и полную беспомощность органов госбезопасности перед одним человеком. Говоря словами самого Андрея Дмитриевича, «*в целом в операцию «Сахаров» тогда якобы были вовлечены две дивизии КГБ (вероятно, впрочем, это некоторое преувеличение) — и все зря*» (Воспоминания. Т. 1. С. 618)¹.

Эти документы разрушают и другой миф — о «романтике» чекистской работы со всеми ее внедренными агентами, погонями, слежкой и т. п. В реальности меры по «*пресечению подрывной деятельности*» Сахарова

выглядели так: «*Когда я выхожу из дома, за мной немедленно следуют «наблюдатели» из КГБ. Многих из них я знаю в лицо. В лесу это иногда парочка, изображающая «любовь». Иногда это наблюдатель, который прячется за толстым стволом дерева в двух шагах от нас; если мы его заметили и ему некуда спрятаться, он стремительно убегает. Когда в 1981 году мы с Люсей стали ездить на машине, гебисты тоже стали ездить за нами, обычно на двух машинах. Иногда они «пугали», создавая ситуацию, похожую на аварийную. И машины, и пешие сопровождающие обычно меняются на протяжении одной поездки: в общем, государственных, а верней — народных, денег не жалеют. Какую цель они преследуют? С одной из них я непрерывно сталкиваюсь — они не дают позвонить по телефону-автомату в Москву, или в Ленинград, или куда-либо еще: забегают передо мной на любую почту по дороге и, очевидно, дают команду выключить аппарат, во всяком случае он оказывается «неработающим»» (Воспоминания. Т. 2. С. 501).*

А еще гласные и негласные обыски, телефонные звонки, угрозы родным и близким, газетная травля, антисемитские выпады в адрес Елены Георгиевны Боннэр и многое другое, составлявшее суть того, что именовалось «оперативной» работой.

Все это продолжалось годами, но никак не влияло на «объект наблюдения»: «*Полностью игнорирую надзор, слежку, обычно не замечаю ее — нам нечего скрывать, мы не занимаемся тайной деятельностью и не хотим тратить душевные силы, чтобы думать об армии этих высокооплачиваемых «наблюдателей»*» (Воспоминания. Т. 1. С. 637).

В отчетах и справках для партийного руководства — унылые однотипные формулировки: «*способствует раздуванию антисоветской истерии*», «*давал политически неправильную оценку*», «*активизировал свою политически вредную деятельность*», «*открыто перешел к сознательной враждебной деятельности*». Разве что в кличках, выбранных для «объектов», — «Аскет»

1 Здесь и далее ссылки на тексты А.Д. Сахарова и Е.Г. Боннэр даются по восьмитомнику: Сахаров А.Д. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Время, 2006, состоящему из трех самостоятельных изданий: «Тревога и надежда. Статьи, письма, выступления, интервью» (Т. 1–2), «Воспоминания» (Т. 1–3), «Дневники» (Т. 1–3). Таким образом, при отсылке к восьмитомнику будет указываться лишь название издания (если оно не очевидно из контекста), номер тома в этом издании и страница.

(Сахаров) и «Лиса» (Боннэр) — есть хоть какая-то фантазия.

Знакомство с перепиской КГБ и ЦК способствует, на наш взгляд, и развенчанию устойчивого мифа об одном из создателей этой системы Ю.В. Андропове, который — проживи он подольше — провел бы по-настоящему действенные реформы. На какую демократизацию, на какие экономические реформы под его руководством можно было рассчитывать, понятно из документов, подтверждающих слова Сахарова: *«На меня... производит странное впечатление явным несоответствием между огромными затраченными усилиями и средствами и практически нулевыми результатами, но, вероятно, у КГБ другие мерки и другие представления о результатах. А средства у них бездонные, без счета, государственные (т. е. народные)»* (Воспоминания. Гл. 2. Ч. 22).

Конечно, мы не рассчитываем на эффект, знакомый читателям по известному немецкому фильму «Жизнь других» Флориана Хенкеля фон Доннерсмарка, где жизнь героев находится под постоянным наблюдением сотрудников восточногерманских спецслужб, а за самими наблюдателями через объектив кинокамеры наблюдает зритель. Но мы хотим предложить тем, кто будет читать эту книгу, именно такую оптику — разумеется, с поправкой на различие инструментов. Комментируя документы, составленные «наблюдателями», мы говорим не только о том, как действовали органы государственной безопасности, подталкивая руководство страны к принятию тех или иных решений, но и о реальных событиях в жизни «объектов наблюдения» и их окружения. В жизни других.

Мы надеемся, что эта книга может стать актуальным и полезным чтением, в том числе и для того, чтобы усвоить невывученные уроки не столь уж давнего прошлого.

Подготовка документов, представленных в книге, осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (2-е изд., 1990).

В состав издания включено 183 документа из фондов РГАНИ, АП РФ и ЦА ФСБ. Большинство из них публикуется впервые.

При отборе документов предпочтение отдавалось подлинникам, а при их отсутствии — заверенным копиям. Документы публикуются полностью.

В большинстве случаев документам даны редакционные заголовки. При публикации оригинальных заголовков документа они приводятся в кавычках. Обозначен тип документа: «докладная записка», когда вопрос ставился на решение ЦК КПСС, «сообщение» — информация к сведению, направленная в ЦК КПСС, и «письмо» — когда речь идет о сопроводительном письме КГБ с приложением справки или иных материалов.

Текст публикуемых документов передан в соответствии с современными правилами орфографии, стилистические и пунктуационные особенности документов сохранены. При автографах приводится аутентичная датировка. Грамматические ошибки и опечатки исправлены без оговорок. Неисправности текста, имеющие смысловое значение (искаженное написание фамилий, терминов, стилистические ошибки), сохранены и снабжены текстуальными примечаниями: «Так в документе»; «Так в документе. Правильно — ...».

Пропущенные в тексте документов и восстановленные составителями слова и части слов заключены в квадратные скобки.

Подписи под документами сохраняются.

Резолюции и пометы приводятся после текста документа и выделены курсивом. Там же публикуются сведения о делопроизводственных штампах.

Текст каждого документа сопровождается легендой, в которой указываются архив, номер фонда, описи, дела и листов, подлинный документ или копия, а также наличие прежних его публикаций. SA в легендах документов означает ссылку на гарвардский архив Сахарова — The Andrei Sakharov Archive at Houghton Library, Harvard University. Документы, вошедшие в книгу, относятся к следующим разделам этой коллекции:

- II.2.4. Sakharov defense;
- II.2.5. KGB, Supreme Soviet, Politburo material;
- II.2.6. KGB reports on Sakharov and Bonner.

Несколько документов взято из коллекции Владимира Буковского (Vladimir Bukovsky Collection), хранящейся в этом же архиве. Подробные сведения об архиве можно найти на его сайте: <https://hollisarchives.lib.harvard.edu/repositories/24/resources/6717>.

Документы представляют собой машинописные тексты. В отдельных документах фамилии вписаны от руки в заготовленные в машинописном тексте места, в таком случае вписанное от руки передается курсивом с подчеркиванием.

В состав научно-справочного аппарата входят: текстуальные примечания, комментарии, именной указатель.

В текстуальных примечаниях обосновывается датировка, приводятся перекрестные отсылки к публикуемым документам, отмечается отсутствие или местонахождение упоминаемых в тексте приложений, оговариваются подчеркивания, зачеркнутые слова, вставки в текст, неразобренные подписи. Комментарии публикуются на правой странице, документы — на левой.

Именной указатель содержит следующие сведения: фамилия, имя и отчество, годы жизни, должность (должности), занимаемая на момент упоминания в документах. В ряде случаев, в отсутствие иной информации об упоминаемом лице, справка ограничивается сведениями, содержащимися в тексте документа.

В 2005 году в издательстве Йельского университета вышел сборник «The KGB File of Andrei Sakharov» под редакцией Джошуа Рубинштейна и Александра Грибанова, куда была включена (в английском переводе и часто в сокращении) значительная часть документов, публикуемых полностью ниже. Опыт американских коллег очень помог нам в нашей работе (подробнее об этом см. в статье А. Грибанова в настоящем издании).

Составители благодарят за помощь в подготовке текстов Марка Гринберга, Ирину Казарину, Бэлу Коваль, Никиту Пивоварова и Михаила Прозуменщикова.

Издание осуществлено при поддержке Фонда Фридриха Науманна за свободу (Friedrich Naumann Stiftung für die Freiheit).

5-е УПРАВЛЕНИЕ КГБ И А.Д. САХАРОВ

Никита Петров

В Москве есть два проспекта: один назван в честь Сахарова, а второй — в честь Андропова. Странная и нелепая картина. Но, по счастью, на карте города проспекты не пересекаются, и не возникает абсурдная ситуация, когда кто-то вдруг оказывается по адресу «Сахарова, угол Андропова». А вот в истории такое пересечение случилось и эти имена тесно переплетены — имя гонимого и имя гонителя. Академика Сахарова упорно и яростно преследовал Андропов и возглавляемый им КГБ, и сегодня документальные свидетельства этого противостояния составляют многие тома архивных дел. К настоящему времени доступна и частично опубликована только их малая часть. В основном те, что посылались в ЦК КПСС, и это наиболее яркие и выразительные документы. Но они лишь верхушка айсберга. А сколько еще скрыто в архиве? У современного читателя может возникнуть вполне закономерный вопрос — почему? Почему советская система не давала человеку высказывать свои взгляды, почему травила его методично и последовательно и в итоге лишила свободы? Ответ предельно прост. В СССР существовала обязательная для всех идеология и насаждалась единомыслие.

Сахаров противостоял советской системе и стал выразителем мнения людей, несогласных с обветшавшей идеологией и лживой политикой. До определенного момента он не был публичной и широко известной фигурой, но партийная верхушка его хорошо знала. Знала как принципиального человека, не боящегося вступать в спор с руководителями страны. Неудобного человека.

Сахаров спорил с Хрущевым, доказывал необходимость отказа от наземных ядерных испытаний

и недопустимость проведения термоядерных взрывов большой мощности. Спорил открыто и аргументированно. Крупный разговор на эту тему — «столкновение», как об этом эпизоде пишет сам Сахаров, — случился 10 июля 1961 года¹. Хрущев хорошо запомнил человека, посмевшего ему перечить. На июльском (1964) пленуме ЦК КПСС, отвлекшись от проблем сельского хозяйства, Хрущев неожиданно разразился гневной тирадой в адрес Сахарова: «Тов. Сахаров — коммунист, очень одаренный человек, и мы высоко ценим его, но не ему определять политику. Он создал водородную бомбу, его предложение было. Но когда мы решали вопрос о создании бомб [более] крупных (он тоже тогда работал), он голосовал против. «Товарищ Хрущев, — говорит, — я против». Я говорю: «Вот какой Христос!» И это коммунист. Он молодой, но, конечно, молодой по нашим взглядам. Ему лет 45?»² Из зала вдруг кто-то выкрикнул: «Он беспартийный». Хрущев, ничуть не смутившись, подытожил: «Ну, беспартийный, — тоже надо вести с ним работу и проработать его. Я уж думал об этом, но не хочется поднимать эти навозные дела»³.

Еще одним поводом накинуться на Сахарова стало недовольство позицией академиков в отношении Трофима Лысенко. Хрущев возмутился развязанной против Лысенко кампанией: «Товарищи, для политического руководства, я считаю, у нас достаточно нашей партии и Центрального Комитета, а если Академия наук будет вмешиваться, мы разгоним с чертовой матери Академию наук...»⁴. У Хрущева сработал политический инстинкт и связка «Академия наук — интеллектуальная фронда — Сахаров» прочно засела у него в голове.

1 *Сахаров А.Д.* Тревога и надежда / А.Д. Сахаров. Москва, 1990. С. 189.

2 Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы / сост. А.Н. Артизов, В.П. Наумов, М.Ю. Прокуменчиков и др. Москва, 2007. С. 61.

3 Там же.

4 Там же.

Бесцеремонность и грубость вскоре поставили ему в вину. В том же году, на октябрьском заседании Президиума ЦК КПСС, когда Хрущева сместили с должности и отправили на пенсию, Брежнев припомнил ему «задание привлечь к ответственности» Сахарова. Хрущев тогда произнес: «Грубость по адресу Сахарова признаю»⁵.

В феврале 1966 года, в канун XXIII съезда КПСС, Сахаров в числе 25 ученых, писателей и деятелей искусства подписал письмо Брежневу о недопустимости реабилитации Сталина⁶. Авторы письма не делали из него секрета, и оно тут же широко распространилось⁷. Общественная активность ранее «закрытого и секретного» академика становилась все заметнее: 11 февраля 1967 года Сахаров направил Брежневу письмо о необходимости демократических преобразований в стране и прекращении преследований за инакомыслие⁸.

10 марта 1967 года на заседании Секретариата ЦК КПСС, где партийные руководители обсуждали «антисоветскую направленность» произведений Солженицына, было упомянуто и имя Сахарова: «Ему помогают, кстати, крупные ученые, такие как Капица и Сахаров»⁹. Пока это была лишь констатация с некоторым негативным подтекстом.

Летом того же года Сахаров позвонил новоназначенному председателю КГБ Андропову с просьбой облегчить участь находившегося в лагере Юлия Даниэля. Андропов отдался дежурными фразами, обещая разобрататься, и перепоручил ответ прокуратуре¹⁰. В конце 1967 года Сахаров проявил интерес к рукописи Роя Медведева о Сталине. Он несколько раз встречался с Медведевым, что, безусловно, не могло ускользнуть от внимания КГБ¹¹. А уже в следующем году, выпустив за рубежом эссе «Размышления о прогрессе, мирном

существовании и интеллектуальной свободе», Сахаров открыто поставил себя в оппозицию режиму.

В 1968 году Сахаровым вплотную занялись в КГБ. Информация об интервью и публикациях академика, о его правозащитной деятельности из КГБ напрямую поступает в ЦК КПСС. Уже в первых сообщениях руководитель ведомства Юрий Андропов пишет о том, что высшему руководству страны стоит встретиться с Сахаровым: «...в целях пресечения возможности использования антисоветскими и антиобщественными элементами в своих враждебных целях имени академика Сахарова, а также предотвращения с его стороны политически вредных поступков считал бы целесообразным принять Сахарова одним из секретарей ЦК КПСС и провести с ним соответствующую беседу» (см. документ № 003). Однако руководители партии, полагавшие, что они смогут переубедить академика, тянули время, откладывали встречу и никак не могли определиться, кто будет с ним говорить.

30 августа 1973 года на заседании Политбюро ЦК КПСС Андропов возвращается к этой теме уже с другим настроением: «Выясняется, что Сахаров все же душевнобольной человек, но надо было бы с ним поговорить прямо и, может быть, даже поговорить с ним кому-то из руководящих товарищей...»¹² Вот что у председателя КГБ по профилю, так это объявлять душевнобольными всех инакомыслящих. Но со здравым смыслом он явно не в ладах. Ну какой прок от «воспитательной» беседы, если человек болен душевно? А если нет, то зачем морочить голову членам Политбюро ложными умозаключениями?

КГБ и борьба с инакомыслием

Юрий Андропов, возглавивший КГБ в мае 1967 года, сразу же взялся за выработку новой репрессивной политики

- 5 Там же. С. 225–226. См. также: *Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи* : в 3 т. / Л.И. Брежнев. Т. 1: Рабочие и дневниковые записи. 1964–1982 гг. Москва, 2016. С. 39.
- 6 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 487. Л. 40–44.
- 7 Об этом сообщил в ЦК КПСС председатель КГБ В.Е. Семичастный, см. текст письма: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 2: Февраль 1956 — начало 80-х годов / сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигацев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. Москва, 2003. С. 485–488.
- 8 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 631. Л. 60–61.
- 9 Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний 1965–1967 гг. Москва, 2020. С. 149.
- 10 *Сахаров А.Д. Воспоминания* / А.Д. Сахаров. М., 1996. Т. 6. С. 382–383.
- 11 *Медведев Р. Андропов* / Р. Медведев. Москва, 2012. С. 110.
- 12 *Кремлевский самосуд (сборник документов)* / сост. А.В. Коротков, С.А. Мельчин, А.С. Степанов. Москва, 1994. С. 245–246.

и укрепление органов госбезопасности. В июле, выступая перед выпускниками Высшей школы КГБ с речью «Каким должен быть чекист», Андропов определил задачи госбезопасности в борьбе с «идеологическими диверсиями», отметив, что «противники» пытаются «подтачивать советское общество с помощью средств и методов, которые с первого раза не укладываются в наше представление о враждебных проявлениях». «Более того, — заявил он, — можно сказать, что противник ставит своей целью на идеологическом фронте действовать так, чтобы по возможности не преступать статьи уголовного кодекса, не преступать наших советских законов, действовать в их рамках, и тем не менее, действовать враждебно»¹³. Тем самым Андропов нацеливал аппарат госбезопасности не на соблюдение законности, а на пресечение действий или высказываний граждан, которые казались власти политически предосудительными. То есть КГБ боролся с теми, кто даже и не помышлял нарушать закон, но с точки зрения коммунистического режима делал нечто политически вредное, нарушавшее установленное в стране единомыслие.

Первым значительным шагом Андропова стало образование печально известного 5-го управления КГБ. В записке в ЦК КПСС от 3 июля 1967 года Андропов в мрачных тонах обрисовал картину «наращивания и активизации подрывных действий реакционных сил», указав, что эти силы делают ставку «на создание антисоветских подпольных групп, разжигание националистических тенденций, оживление реакционной деятельности церковников и сектантов». Далее в записке говорилось о том, что «под влиянием чуждой нам идеологии у некоторой части политических незрелых советских граждан, особенно из числа интеллигенции и молодежи, формируются настроения аполитичности и нигилизма, чем могут пользоваться не только заведомо антисоветские элементы, но также политические болтуны и демагоги, толкая таких людей на политически вредные действия». Заметив попутно, что «линия борьбы с идеологической диверсией» ослаблена, Андропов предложил создать в центре и на местах

А.Ф. Кадашев
Фото: РГАСПИ

самостоятельные управления (отделы) КГБ, возложив на них задачи «организации контрразведывательной работы по борьбе с акциями идеологической диверсии на территории страны»¹⁴.

Все его предложения нашли полную поддержку и понимание в ЦК. На заседании Политбюро 17 июля 1967 года было принято решение об организации 5-го управления. Решение было оформлено приказом КГБ от 25 июля 1967 года № 0097, и в этот же день приказом № 0096 были объявлены структура и штат нового управления.

Первым начальником 5-го управления КГБ 4 августа 1967 года был назначен Александр Кадашев (с должности секретаря Ставропольского крайкома КПСС). Однако он пробыл на этом посту недолго и уже в декабре 1968 года был освобожден. Вскоре, 23 мая 1969 года, управление возглавил кадровый чекист Филипп Бобков.

Согласно первоначальному штату 5-е управление состояло из шести отделов:

1-й отдел — контрразведывательная работа на каналах культурного обмена, разработка иностранцев, работа по линии творческих союзов, научно-исследовательских институтов, учреждений культуры и медицинских учреждений.

2-й отдел — планирование и осуществление контрразведывательных мероприятий совместно с 1-м главным управлением КГБ (разведка) против центров идеологических диверсий империалистических государств, пресечение деятельности НТС (см. комм. к документу № 004), националистических и шовинистических элементов.

3-й отдел — контрразведывательная работа на канале студенческого обмена, пресечение враждебной деятель-

¹³ Андропов Ю.В. Ленинизм — неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. Избранные речи и статьи. Москва, 1984. С. 100.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 453. Л. 17–22, опубликовано: Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991: справочник / под ред. акад. А.Н. Яковлева; авт.-сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Москва, 2003. С. 712–714.

ности студенческой молодежи и профессорско-преподавательского состава.

4-й отдел — контрразведывательная работа в среде религиозных, сионистских и сектантских элементов и против зарубежных религиозных центров.

5-й отдел — практическая помощь местным органам КГБ по предотвращению массовых антиобщественных проявлений. Розыск авторов антисоветских анонимных документов, листовок. Проверка сигналов по террору.

6-й отдел — обобщение и анализ данных о деятельности противника по осуществлению идеологической диверсии. Разработка мероприятий по перспективному планированию и информационной работе.

Помимо перечисленных отделов, в штат входили секретариат управления, финансовый отдел, группа кадров и группа мобилизационной работы. Общая численность сотрудников составляла 201 человек. Штатом предусматривались должности: начальник управления, его первый заместитель и два других заместителя. Для начальника управления было установлено предельное воинское звание генерал-лейтенант, для заместителей — генерал-майор, а для начальников отделов — полковник.

Среди сотрудников КГБ известие об организации нового управления вызвало массу пересудов. Поговаривали, что его штат будет комплектоваться особо проверенными и «идеологически закаленными» кадрами и ни в коем случае не «людьми с улицы»¹⁵. Более того, один из сотрудников пишет в мемуарах: «Почему-то имела место всеобщая уверенность в том, что Пятое управление будет возвышаться над КГБ и даже провирать лояльность оперсостава других управлений. Даже несколько лет спустя, встречаясь с сотрудниками разведки и контрразведки, я слышал от них версии на этот счет: они считали, что «пятерка» ведет оперативную проверку личного состава КГБ на предмет пригодности к дальнейшей службе и верности идеалам...»¹⁶

Все последующие годы происходило постоянное расширение сфер деятельности и, соответственно, структуры 5-го управления. После серии взрывов около Мавзолея Ленина, а также неудачного покушения на Генерального

секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева, в августе 1969 года в управлении был создан 7-й отдел. Официально его функции были обозначены как «выявление и проверка лиц, вынашивающих намерения применить взрывчатые вещества и взрывные устройства в антисоветских целях». Этому же отделу были переданы функции по розыску авторов анонимных антисоветских документов, проверка сигналов по «центральному террору» и разработка выявленных лиц, а также контроль за ведением таких разработок в местных органах КГБ. Под террором понимали любые устные и письменные угрозы в адрес руководителей страны. Угрозами в адрес местных руководителей («местный террор») занимались территориальные органы КГБ.

В июле 1973 года в связи с ростом эмиграционных настроений среди советских евреев был организован 8-й отдел. В его задачи входило «выявление и пресечение акций идеологической диверсии подрывных сионистских центров».

В мае 1974 года в целях более плотного наблюдения и борьбы с диссидентским движением, а также для пресечения связей диссидентов с западными правозащитными организациями в штат 5-го управления добавились 9-й и 10-й отделы.

9-й отдел занимался «ведением наиболее важных разработок на лиц, подозреваемых в организованной антисоветской деятельности (кроме националистов, церковников, сектантов); выявлением и пресечением враждебной деятельности лиц, изготавливающих и распространяющих антисоветские материалы; проведением агентурно-оперативных мероприятий по вскрытию на территории СССР антисоветской деятельности зарубежных ревизионистских центров».

Задачами 10-го отдела было «проведение контрразведывательных мероприятий (совместно с 1-м главным управлением КГБ) против центров идеологической диверсии империалистических государств и зарубежных антисоветских организаций (кроме враждебных организаций украинских и прибалтийских националистов)».

В июне 1977 года в связи с подготовкой к XXII Олимпийским играм был создан 11-й отдел, функции

¹⁵ *Евг. Григ. Да, я там работал. Москва, 1997. С. 101.*

¹⁶ Там же.

которого были обозначены следующим образом: «осуществление оперативно-чеккистских мероприятий по срыву подрывных акций противника и враждебных элементов в период подготовки и проведения летних Олимпийских игр в Москве». Однако после проведения Олимпиады-80 отдел упряднять не стали, а возложили на него работу по наблюдению за спортивными, медицинскими и научными организациями.

В середине 1970-х в составе управления была создана (на правах отдела) 12-я группа для координации его работы с органами безопасности социалистических стран. Опыт такого сотрудничества уже имелся — достаточно вспомнить нашу мешущую книгу чеха Томаша Ржезача «Спираль измены Солженицына», созданную при участии 5-го управления КГБ и родственного ему 10-го управления МВД Чехословакии. Многие руководители и простые офицеры управления побывали в командировках в «братских» странах. Целью поездок, наряду с обменом опытом, были практические вопросы оперативной деятельности.

В феврале 1982 года в составе 5-го управления возникли еще два отдела — 13-й и 14-й. Задачи 13-го отдела были обозначены как «выявление и пресечение проявлений, имеющих тенденцию к перерастанию в политически вредные группировки, способствующие проведению противником идеологических диверсий против СССР». На самом деле речь шла о неформальных молодежных движениях — кришнаитах, панках, рокерах, пацифистах, мистиках и прочих, которые в начале 1980-х годов стали расти, как грибы после дождя. Создание специального отдела для агентурно-оперативной работы среди молодежи было реакцией КГБ на ее выход из-под контроля комсомола. При этом студентами и профессорско-преподавательским составом по-прежнему занимался 3-й отдел.

14-й отдел вел работу «по предотвращению акций идеологической диверсии, направленной в сферу Союза журналистов СССР, сотрудников средств массовой информации и общественно-политических организаций».

И наконец, в ноябре 1983 года был организован 15-й отдел — по контрразведывательной работе во всех отделениях и на всех объектах спортивных

обществ МВД «Динамо». Остальными спортивными обществами по-прежнему занимался 11-й отдел. Исключение составлял Центральный спортивный клуб советской Армии (ЦСКА), за которым наблюдала военная контрразведка (3-е главное управление КГБ).

Таким образом, в 1970–1980-е годы наблюдается увеличение количества отделов 5-го управления, которое шло не только путем дробления старых отделов (например, вновь созданные 11-й и 14-й отделы взяли на себя часть функций 1-го), но и за счет открытия новых направлений (или линий) работы.

Одновременно происходило увеличение численности сотрудников управления. Если в 1967 году его штат насчитывал 201 человека, то в мае 1982 года, к моменту ухода Андропова из КГБ, их было уже 424. В дальнейшем это количество почти не менялось. Даже в годы перестройки, когда началось сокращение структурных подразделений 5-го управления, его штатная численность оставалась прежней.

Рост недовольства в стране и открытая критика режима на рубеже 1960–1970-х годов вынуждали КГБ изыскивать новые формы обуздания общественной активности. Широкое распространение получила практика принудительной госпитализации в психиатрические больницы не только диссидентов, но и тех, кто публично высказывал недовольство советским строем. Туда же массово отправляли молодых людей, ведущих свободный и независимый образ жизни, например хиппи. Использование психиатрии в карательных целях серьезно дискредитировало советский режим. В мире поднялась мощная волна протестов¹⁷.

Разумеется, КГБ занимался изучением и анализом причин, побуждавших граждан, недовольных советскими порядками, не просто высказываться в частном порядке, но и выражать свое несогласие более или менее открыто, искать единомышленников и объединяться в группы и организации. Посвященные этому работе и внутренние разработки КГБ крайне интересны. Они позволяют понять, насколько сама система КГБ была несвободна в признании (даже во внутренних секретных документах) истинных причин недовольства и растущего сопротивления

советским порядкам. В исследовании, предпринятом еще в начале 1970-х¹⁸, приводятся следующие данные о причинах формирования у граждан анти-советских взглядов:

- под влиянием идеологической диверсии противника в форме радиопропаганды — 60,9% участников;
- под воздействием литературы враждебного содержания, нелегально изготавливаемой в СССР, — 38,6%;
- под воздействием литературы враждебного содержания, изданной за рубежом, — 29,5%.

Есть в исследовании и перечень внутренних факторов, способствующих формированию враждебных советской системе взглядов:

- а) недостатки в области экономики, хозяйственной жизни — 53,1%;
- б) осужденные КПСС отрицательные явления, связанные с культом личности Сталина, — 46,4%;
- в) явления, связанные с элементами волонтаризма и субъективизма в руководстве страной, — 41,5%;
- г) различные недостатки в области идеологической и культурно-воспитательной работы — 36,2%;
- д). «трудности и недостатки» личного порядка — 23,7%.

В исследовании приводятся данные о том, что среди участников антисоветских и политически вредных организаций преобладают мужчины 18–30 лет, имеющие высшее и среднее образование и проживающие в городах. На первом месте — студенты и учащиеся, а доля рабочих промышленных предприятий

среди участников таких организаций незначительна¹⁹.

То есть согласно этому исследованию основными факторами были прежде всего изъяны советской системы хозяйствования и распределения благ, а также внутренние политические причины: сталинские репрессии, идеологические кампании времен Хрущева — отправка молодежи на целину, борьба со «стилягами и тунеядцами». Важно, что наиболее «проблемной» группой была признана учащаяся молодежь.

Если обратиться к статистике репрессий КГБ против советских граждан, то, на первый взгляд, она не выглядит ужасающей. Число привлеченных к уголовной ответственности в период с 1974 по 1986 год по обвинениям в «антисоветской агитации и пропаганде» (ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР) колеблется от полутора десятков до полусотни ежегодно. Хотя это лишь верхушка айсберга: арестовывали и судили наиболее видных представителей диссидентского движения²⁰. Но впечатляет число лиц, подвергнутых органами КГБ так называемой профилактике. Если оперативные работники КГБ полагали, что для ареста и суда материалов недостаточно или они не слишком серьезны, принималось решение о профилактике, которая являлась своего рода психологическим террором. Вызов в КГБ или иное присутственное место и строгая беседа — нечто среднее между отеческим внушением и запугиванием (пугали арестом, высылкой, увольнением с работы, исключением из института, призывом в армию и т.п.) — именовались на чекистском языке профилактикой.

В отчетных документах КГБ сообщалось, что профилактике подверглись лица, совершившие «политически вредные поступки» или, в более точной формулировке, «политически вредные проступки, не содержащие преступного

18 Исследование базировалось на материалах расследования дел 29 «антисоветских групп и организаций», разоблаченных местными органами КГБ в 1965–1971 годах по всей стране, и 70 «политически-вредных организаций и групп», выявленных за тот же период Управлением КГБ по Ленинградской области.

19 Коршиков П.С. Социально-психологический анализ процесса формирования антисоветских организаций и групп : автореф. ... канд. юр. наук / П.С. Коршиков. Москва, 1975. С. 22–23.

20 Вместе с тем довольно внушительным было число осужденных по ст. 190¹ УК РСФСР («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»), введенной в законодательство в 1966 году. На пресс-конференции в МИД СССР в октябре 1990 года В.А. Крючков сообщил, что за 1960–1970-е годы по ст. 70 и 190¹ УК РСФСР (и аналогичным им в союзных республиках) было осуждено 7 250 человек (Известия. 1990. 22 окт.).